

Москва, 22. февр. 1959.

ФЕЛЬЕТОН

ПУЗЫРИ СЛАВЫ

По всем признакам в мире искусство назревало какое-то чрезвычайное событие. Администраторы сбивались с ног, разыскивая тринадцать музыкантов для оркестра, формирующегося в пожарном порядке.

Слышался робкий шепот:
— Он недоволен.
— Кто?
— Николай Кустинский. Ему нужен ансамбль. Немедленно.
— Простите, — возражали наивные люди. — Кто такой Кустинский? Зачем для его выступления нужно формировать специальный ансамбль? Даже Шаляпин пел в концертах чаще всего без ансамбля, а с пианистом-аккомпаниатором.
— То Шаляпин! А Кустинский — это совсем другое. Вы не знаете Кустинского. Попробуйте ему отказать в ансамбле!

Герой торжества Николай Кустинский и в самом деле проявлял нетерпение, даже гнев. Он был так страшен в своем раздражении, что походил временами не столько на куплетиста и чечеточника, сколько на Ивана Грозного в «Псковитянке».

Николай Андреевич предупреждал, что шутить не любит. Безобразия! Интриги! Крамола! В ансамбле до сих пор нет заведующего постановочной частью, режиссера-постановщика и художника! — Разве для того, чтобы спеть куплеты и отплясать чечетку, нужен заведующий постановочной частью? — снова спросил было наивный человек. Ему, однако, не удалось закруглить свою дерзкую мысль. Триумфальное шествие Николая Кустинского по концертным залам страны уже началось. Афиши, торжественно возвещавшие об этом эпохальном событии в истории искусства, были украшены портретом гастролера и его звучной фамилией, изображенной самым крупным шрифтом, каким только располагает современная полиграфия. Слава подобострастно забегала вперед, чтобы оповестить население о счастье, которого оно сподобилось: К вам едет сам король чечетки! Первыми удостоились лицезреть прославленного гастролера Крым, Саратов и Сталинград.

Гастроли наделали много шума. Не

было ни одного города, где бы зритель остался равнодушным. О Кустинском говорили. Больше того — о нем кричали. Нет, это был не шум оваций. Зритель встречал корифея чечетки и куплетов единодушным кличем: Вон с эстрады! Гастролер оскорблял взор и слух зрителя пошлыми куплетами и не менее пошлыми ужимками, кабацкой развязностью, скверной дикцией.

Ансамбль пришлось расформировать. Но вот не прошло и года, как в стенах ВГКО — Всероссийского государственного концертного объединения — опять начался переполох. В самом экстренном порядке формировался новый ансамбль для Кустинского.

Искусство требует жертв. По бухгалтерским данным, оба ансамбля принесли государству более 180 тысяч рублей убытка. Бывший руководитель ВГКО Н. П. Барзилович насадил в этом учреждении нравы, при которых люди типа Кустинского были окружены почетом, а сомнительные дельцы-администраторы получили возможность распоряжаться судьбой артиста — «прикрыть» даровитого молодого музыканта, певца, разговорника или, наоборот, «сделать» артиста — создать ему дутую славу.

Может быть, Барзилович доставлял эстетическое наслаждение слушать плоские остроты своего фаворита? Пусть бы тогда убыток в 180 тысяч рублей меценат и уплатил из собственных средств. Нет, ничего подобного не произошло. С ним мило попрощались и назначили его на другой ответственный пост — директора Московского госцирка. По странной традиции у нас иногда поручают руководство искусством людям, проявившим минимум вкуса, но зато максимум умения, провалившись и упав в омут, вынырнуть, как ни в чем не бывало, с жирным осетром в руке.

В некую концертную организацию пришел новый руководящий товарищ. К его столу этак бочком, со стандартной спесивой улыбочкой на устах пробирается артист — спрашивает ласковым баритоном: Чадеюсь, условия останутся те

же, что были и с вашим предшественником? Седьмой концерт ваш?

Новичок возмущается. Новичок закипает. Однако мзду за посредничество в организации славы не отказываются принять, а то и просто вымогают некоторые ныне здравствующие администраторы. А получают так потому, что в концертных организациях жива еще дикая допотопная «рабочетадельская» система. Зайдет в ВГКО с широкой светлой московской улицы свежий человек и остолбенеет. Перед ним удивительное зрелище. Нечто совсем не похожее на обстановку советского учреждения. Толпы артистов часами дежурят в темных коридорах. Самые энергичные силой прорываются к кабинетам. То, как будет занят артист, «прикроют» его или «сделают» ему «красную строку» — звучную рекламу, зависит часто от невежественного администратора. Чего ж тут удивляться, что Кустинский все еще храбро распеваает самодельные куплеты о секретарше с напудренным носом, сравнивая ее с... собакой, и, уже теряющие представление о времени, сатирики Громов и Милч коробят зрителя затхлыми остротами.

Подчас посредственные эстрадники получают по 4½ ставки за организованные без всякой надобности меценатами-администраторами сольные концерты и эксплуатируют других, часто более даровитых артистов эстрады — их включают в свиту дугих знаменитостей. Слабый музыкант Семен Фейгин каким-то чудом получил «зеленую улицу» — сольные концерты и «красную строку». А многим талантливым артистам — молодым и уже зрелым — приходится преодолевать самые трудные барьеры, прежде чем удастся встретиться с массовым зрителем.

Гоголь называл Ноздрева историческим человеком, потому что у Ноздрева то и дело получались новые и новые скандальные истории. Кустинский также давно стал исторической фигурой. Это — громкое имя. Каких только скандалов с

ним не случилось! Николай Андреевич усердно пытался доказать, что в нем совмещаются, так же как в знаменитом трагике Кине, гений и беспутство. В своем беспутстве наш герой убедил многих. Труднее было Николаю Андреевичу убедить мир в своей гениальности. Однако он нашел выход. Он успешно собирает бумажки, в которых говорится примерно следующее: «Предъявитель сего Николай Кустинский есть действительно гений, что подписями и приложением печати удостоверяется».

Целая плеяда народных и заслуженных украсила своими автографами бумажку, в которой удостоверяется, что Кустинский «подленный мастер» и его появление на сцене «еще раз подтверждает как мастера эстрады». Кто из народных и заслуженных мог сочинить столь безграмотную бумагу? Никто. Они, несомненно, громко расхохотались бы, прочитав этакое. Почтенных деятелей искусства извиняет (извиняет ли?!), что они, не читая, подмахнули писанину, заготовленную самим храбрым охотником за славой.

Смеем ли мы быть добрячками-либералами в оценке творчества? Советское искусство — самое передовое в мире. У нас есть тысячи чудесных мастеров, снискавших всенародную и мировую славу. И тем более обидно, что рядом кто-то фабрикует дутые пузыри.

На наших глазах уже давно утратившие голос, отставшие от жизни и растущих вкусов зрители артисты пытаются вернуть себе место на сцене через... нарсуд. Они полагают, видимо, что народный судья — лучший арбитр в оценке сложных явлений искусства. Напоминает нам рассказанное выше и о громоздких ансамблях, создающихся ради прекрасных глаз подчас посредственного артиста; о сверхроскошных декорациях, созданных ради спасения серого спектакля.

На Западе существуют специалисты по организации славы. Их называют «кингсмейкеры» — делатели королей. Мы обойдемся без кингсмейкеров. Нам не нужны дутые пузыри славы.

Юр. ЧАПЛЫГИН.